

MACIEJ WALCZAK

Uniwersytet Śląski (Katowice, Polska)

ORCID 0000-0001-6313-5672

Семья и семейные отношения у Шолом-Алейхема и Федора Решетникова (*Касриловка vs Подлиповцы*)

Rodzina i relacje rodzinne u Szolema Alejchema i Fiodora Reszetnikowa (*Касриловка vs Подлиповцы*)

Streszczenie: W niniejszym artykule autor zwraca uwagę na kwestię rodziny i międzyludzkich relacji w rodzinach kasrylewskich Żydów i wspólnoty Permiaków w Podlipnej. Tytułowe zagadnienie traktowane jest szeroko — obejmuje głównie dzieci i stosunek do nich, lecz także do zmarłych krewnych, relacje z członkami bliższej i dalszej rodziny mieszkającymi na różnych terytoriach oraz stosunki małżeńskie. Analiza tekstów literackich pozwoliła wyłonić dwa, niejednokrotnie biegunowo odmienne, portrety wewnątrzrodzinnych relacji międzyludzkich, szczególnie w odniesieniu do dzieci. Owa biegunowość, zdaniem autora, wynika, między innymi, z faktu silnego osadzenia mieszkańców Kasrylewi w tradycji religijno-kulturowej judaizmu i braku analogicznych fundamentów u mieszkańców Podlipnej.

Słowa kluczowe: rodzina, relacje rodzinne, tradycja, judaizm

The family and the family relations in the works of Scholem Aleichem and Fyodor Reshetnikov (*Kasrilovka vs The Podlipnyans*)

Summary: The article deals with the problem of the family and the interpersonal relations in the families of the Kasrilovka Jews and Permyans community of Podlipnaya. The problem is widely treated and it comprises mainly children and the attitude towards them but it also touches the late relatives, close and distant relatives living far away and the marital relations. The analysis of the literary texts shows two repeatedly different portrayals of intra-familial human relations, especially with regard to children. According to the author of this paper this polarity is the result of (among other things) the strong setting of the Kasrilovka dwellers in the religious and cultural tradition of Judaism and the lack of similar settings in the dwellers of Podlipnaya.

Keywords: family, family relations, tradition, Judaism

Предлагаемая статья является очередной, по счету второй, частью задуманного нами тематического цикла, объектом которого были выбраны рассказы Шолом-Алейхема из сборника *Касриловка* и повесть *Подлиповцы* Федора Решетникова¹.

¹ Первая статья цикла посвящена вопросу еды, пищи и продуктов питания; см. П. Червинский, М. Вальчак, *Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подли-*

Предметом настоящего рассмотрения будут семейные и межличностные отношения, с одной стороны, в украинской местечковой (еврейской) среде и в деревне Подлипной у пермяков, с другой — юго-запад и северо-восток Российской империи. Представляемый поворот интересен и достоин анализа не только в виду того, что в разбираемых текстах себя объявляют два полюсно разных образа взаимодействий (особенно в отношении к потомству), но и по той причине, что семейные, и в том числе отношения между родителями и детьми, неоднократно становились одним из ведущих мотивов как русской, так и всемирной литературы.

Как замечает Лукаш Томаш Срока, семья в метафорическом переосмыслении является тем жизненным пространством, где человеку предстоит сыграть важнейшую роль в «театре мира». Семья возникает как следствие и на основе отношений в известном смысле любовных (роман, мелодрама, трагикомедия), в семье переживаются радостные и веселые моменты жизни (комедия, фарс), но при этом нередко сопровождаемые страданием и печалью (драма, трагедия)².

Тема семьи, по словам Ирины Марковой, пронизывает всю русскую литературу. «От *Слова о полку Игореве*, где 'Игорево славное гнездо' символизирует семейную родовую общность, до романов-эпопей Льва Толстого и Михаила Шолохова — вся русская литература в лучших образцах повествует, так или иначе, о русской семье»³. Следует при этом отметить, что во многих произведениях русской литературы передаются образы, что особенно важно с точки зрения обсуждаемой проблематики, семей самых разных социальных слоев. Как замечает Елена Спиглазова, в русской литературе XIX века обнаруживают себя портреты совершенно различных семей: начиная с провинциальной семьи Лариных, через столичные семьи, заполняющие салон Анны Павловны Шерер, крестьянские семьи в описаниях Некрасова, купеческие и мещанские семьи Островского, заканчивая собранием психопатологических типов в семье Карамазовых⁴.

ловцы), «*Iudaica Russica*» 2019, № 2(3), с. 111–132. Идея и ряд положений настоящей статьи авторства Петра Червинского.

² См. Ł.T. Sroka, *Judaizm wobec rodziny. Spojrzenie historyczno-religioznawcze* // В. Popiołek (ред.), *Człowiek w teatrze świata: studia o historii i kulturze dedykowane Profesorowi Stanisławowi Grzybowskiemu z okazji osiemdziesiątych urodzin*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, Kraków 2010, с. 69.

³ И.И. Маркова, *Семейные ценности в русской литературе // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы, материалы VI междунар. науч. конф., 21–22 мая 2009 г.* Гомель 2009, с. 292–294.

⁴ См. Е.Г. Спиглазова, *Образ семьи в русской и советской литературе*, Проза.ру, <https://www.proza.ru/2009/09/01/25> [16.12.2019].

Семейная проблематика, а точнее специфика особого типа романной прозы — семейной хроники, затрагивалась, в частности, в работах Евгения Никольского⁵ и Аллы Грачевой⁶. Вопрос внутрисемейных отношений на материале детской и подростковой прозы XIX–XXI веков был предметом исследования Адели Минибаевой, Галины Божковой, Антона Быкова⁷. Образ семьи в русской литературе первой половины XX века рассматривался Гульнаррой Хакимовой⁸. Проблема семантики семейных отношений и концепта *семья* на материале русской и европейской литературы в лингвистическом повороте нашла свое отражение в работах Марии Андреяновой⁹, а также Саиды Схаляховой¹⁰. Актуальность интересующей нас проблематики может определяться и рядом работ, в которых вопрос семьи, семейных отношений характеризуется с самых разных сторон и точек зрения. Так, вопросы семьи и потомства, а также супружества, через призму религиозных установок, были предметом анализа Марты Коморовской-Пудло¹¹. Обращение к исследованиям подобного рода может быть обосновано тем, что рассматриваемые нами внутрисемейные отношения у евреев Касриловки предопределены и строго регламентированы в соответствии с религиозными нормами. В данной связи стоило бы упомянуть для примера работы Михала Фридмана по проблематике семейной традиции в иудаизме¹².

Видится важным отметить, что в рассматриваемых нами художественных текстах мотив семьи, а также внутрисемейных

⁵ Е.В. Никольский, *Семейная хроника в системе жанров романной прозы*, «Известия Уральского федерального университета» 2012, № 2 (102), серия 2, Гуманитарные науки, с. 37–46. Того же: *Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий*, «Вестник Адыгейского государственного университета» 2011, № 4, серия 2: Филология и искусствоведение, с. 29–34; Е.В. Никольский, «Преданья русского семейства»: жанр семейной хроники в русской литературе XIX–XX столетий, Пушкинские чтения 2012, с. 49–54.

⁶ А.М. Грачева, *Семейные хроники начала XX века*, «Русская литература» 1982, № 1, с. 64–75.

⁷ А.Р. Минибаева, Г.Н. Божкова, А.В. Быков, *Виды семей в детской и подростковой прозе XIX–XXI веков*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2019, т. 12, вып. 10, с. 34–38.

⁸ Г.А. Хакимова, *Семья в русской литературе (первая половина XX века)*, Российская государственная юношеская библиотека, Москва 1998.

⁹ М.А. Андреянова, *Концепт «семья» в русской и французской литературе*, «Вестник научного гуманитарного образования» 2012, № 1 (15), с. 17–20.

¹⁰ С.Ш. Схаляхова, *Концепты «венчание», «брак», «семья» как отражение русского менталитета (на материале языка произведений русской литературы)*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар 2008.

¹¹ M. Komorowska-Pudło, *Rodzina i prokreacja w religiach monoteistycznych. Założenia doktrynalne a rzeczywistość empiryczna*, «Studia Oecumenica» 2016, № 16, с. 421–439. По смежной тематике см. также той же: *Małżeństwo – jego jakość i trwałość u wyznawców religii monoteistycznych. Założenia doktrynalne a rzeczywistość empiryczna*, «Kwartalnik Wydziału Teologicznego UMK» 2017, № 38 (2), с. 151–173.

¹² M. Friedman, *Tradycja rodzinna w judaizmie*, «Collectanea Theologica» 1996, № 66 (2), с. 39–48.

и межличностных отношений не является ни основным, ни ведущим. Он имеет второстепенный характер, разворачиваясь и проявляя себя на фоне и в контексте повседневных событий, действий и происшествий (прежде всего, в *Подлиповцах*). И именно эти явления и события выступают причиной либо ситуативной сценой межличностных и внутрисемейных взаимодействий.

Необходимо также добавить, что мотив семьи мы будем понимать весьма широко, включая в него отношение как к детям, так и не к детям, не обходя при этом также умерших членов семьи, не опуская взаимодействия как между кровными, так и не кровными родственниками, между близкими и не близкими, в контактирующем окружении и территориальном разбросе.

В первую очередь представляется важным и показательным обратить внимание на бросающееся в глаза противоположно заряженное отношение к детям. Данная полюсная противоположность становится еще более ощутимой и выразительной в контексте объединяющего обойденно-униженного материального и социального положения интересующих нас этнических групп, в котором всеобщая нищета и весьма ограниченный по этой причине доступ к средствам самой первой необходимости, продуктам питания в том числе, придают отношению к самым младшим особую значимость. О весомости семьи в еврейской традиции и всего, что с ней связано, может свидетельствовать то обстоятельство, что некоторые рассказы из цикла *Касриловка* посвящены именно этой теме (*Человек родился, Родительские радости*). Сопоставление по этой причине начнем с анализа текстов Шолом-Алейхема с последующим переходом к повести Федора Решетникова.

В отношении к потомству у касриловских евреев можно выделить несколько линий, каждой из которых свойственны собственные основания и следующие из них эмоциональные проявления:

1. дети как неизменное следствие брака,
2. дети как члены семьи,
3. дети как восприемники еврейской традиции, религиозного воспитания и образования.

В анализируемом цикле рассказов Шолом-Алейхема дети характеризуются как естественный результат заключения брака и его основная цель¹³ (п. 1), а также необходимая составляющая семьи как основы общественной жизни¹⁴. Их появление не

¹³ См. М. Коморовска-Pudło, *Rodzina i prokreacja w religiach monoteistycznych...*, с. 425.

¹⁴ См. К. Rygiel, *Wychowanie w społeczności żydowskiej w świetle nakazów religijnych*, «Ogrody Nauk i Sztuk» 2011, № 1, с. 255–259.

только ожидается в соответствии с религиозными предписаниями¹⁵, но и требуется, регламентируется как свидетельство установленных отношений между супругами, воспринимаясь при этом также как едва ли не основная женская и, несомненно, мужская обязанность. В этой связи касриловские евреи говорят о своих детях в контексте брачно-семейных отношений иногда с прямо не выраженной, но всегда ощутимой (благодаря вставным конструкциям типа *слава богу, не сглазить бы*) радостью и удовлетворением, порой также сгордостью, особенно, когда сообщается об их числе либо особых достоинствах. Приведем такие примеры из текстов, однотипные и достаточно очевидные:

Короче, мы поженились. Когда мы поженились, она сразу же начала рожать, не сглазить бы, что ни год — ребенок. (*Не сглазить бы*)

Грех жаловаться — все дочери и все невестки рожают, слава богу, каждый год; у кого — одиннадцать, у кого — девять, у кого — семь. (*Родительские радости*)

Все эти женщины — соседки, живущие вместе с Рейзл в доме столяра Генеха. У каждой из них своя каморка, свое хозяйство, свои одеяла и подушки, свой муж, свои детишки. А детишек у них, слава богу, предостаточно. (*Человек родился*)

Короче говоря, они не развелись. И бог помог — уже лет шесть, как она начала рожать, разрешается что ни год; осыпает меня внуками! Посмотрели бы вы на моих внуков — все ладные, один другого лучше, на их личики не наглядеться! (*Родительские радости*)

В последней цитате себя обнаруживает не только гордость за необыкновенных внуков, но и несомненное самоудовлетворение как родоначальника, чьи качества и достоинства передались им по наследству.

У касриловцев семья, семейные ценности и, в первую очередь, дети (не только сыновья и дочери, но и внуки) ставятся выше, чем материальные блага, что особенно выразительно проявляет себя в контексте упоминавшейся ранее бедности:

[...] родительские радости, могу похвастать, мне отпущены, слава богу, щедрее, чем самому большому богачу в Касриловке! И когда, слышите ли, наступает праздник и у меня собираются все мои дети, не сглазить бы, сыновья и дочери, невестки и зятья со всеми внуками — кто мне ровня? (*Родительские радости*)

¹⁵ Ср. цитату из Бытия: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1:28).

Ожидание прихода на свет ребенка и само его появление — источник невероятной радости, а также утешения в тяжелых условиях жизни. Для евреев рождение потомка, особенно мальчика, приобретает характер мистический, связываясь с не покидаемой надеждой на объявление и приход мессии, что, вместе с тем, обнаруживает себя в сочувствующе-ироническом изображении автора:

— Еле дождалась этой радости!

— Если удостоимся божьей милости, это ко всему вдобавок окажется мальчик, вот увидите!

Она родит на свет мессию, не иначе!

[...]

Она смотрела на этих добрых людей, которые пожелали ей столько добра, — она сама не знает, за какие такие заслуги, — и любовалась своим ребенком, своим единственным утешением. (*Человек родился*)

В семьях касриловских евреев дети считаются важными членами, равноправными участниками праздников и существенных для еврейской общины событий (п. 2). В этом контексте отношение к детям заряжается особым сердечно-снисходительным чувством и отношением со стороны взрослых. Особенно ярко выражает себя это во время праздников и совместной трапезы, пусть самой скромной и скудной. Наблюдение за детьми во время еды — ни с чем не сравнимый источник радости и удовольствия:

[...] что у меня за веселье и какая радость у меня на душе, когда, к примеру, наступает праздник пурим и все дети со всеми внуками, не сглазить бы, собираются к трапезе, усаживаются вокруг стола, и я совершаю молитву над большим и затейливым праздничным калачом, который сдобрен шафраном и весь утыкан изюмом... (*Родительские радости*)

И все же приятно, знаете ли, видеть, как мои орудуют за столом! Люблю наблюдать за их едой, прямо душа радуется. (*Молочная пицца*)

В еврейской традиции едва ли не главным считается такое воспитание и образование детей, которое предполагает, для мальчиков, подготовку к чтению священных текстов, их пониманию и применению в повседневной жизни, обеспечивая, тем самым, непрерывность и продолжение религиозных норм и обычаев. Как замечает Александр Локшин, системе традиционного еврейского образования свыше трех тысяч лет, и ни одно вероучение не придавало такого значения образованию, как иудаизм. Именно это и сыграло важнейшую роль в сохранении еврейского народа и развитии его культу-

ры¹⁶. В подобном контексте дети становятся естественными преемниками и продолжателями многовекового религиозно-культурного наследия (п. 3). Отнюдь не случайны поэтому в рассказах Шолом-Алейхема фрагменты, в которых не только описывается чтение и обсуждение Торы, но и подчеркивается значимость необходимых для этого навыков, а также начитанность, грамотность мужских представителей подрастающего поколения, их владение древнееврейским и иностранными языками, знание религиозных песен, что становится неизменным поводом гордости и радости старшего в роде:

А как они учатся! Хотите страницу Талмуда — будет вам страница талмуда наизусть. О Пятикнижии с комментариями, о пророках, о грамматике со всеми прочими нынешними причиндалами и говорить не приходится. А как они читают и как пишут по-еврейски, и по-русски, и по-немецки, и по-французски, и... и... и... *(Родительские радости)*

Отметим здесь, что, помимо детей, по признаку начитанности и знакомства с текстами Торы, умению их толковать, а также, шире, по общим интеллектуальным способностям оцениваются и другие члены семьи. Отмеченные свойства становятся одним из основных показателей значимости и достоинства, особенно в случае тех, кому предстоит войти в семейно-родственный круг. В этом случае оценке умственных качеств и эрудиции поддаются, конечно, мужчины, а тем самым, уже имеющиеся или будущие зятья. Их начитанность, ум и способности (в передаче вынужденного их содержать героя-рассказчика) оказываются важнее, чем материальное состояние, которого, само разумеется, нет, а потому и не может оцениваться. Проиллюстрируем сказанное такими примерами:

Один зять у меня родом из настоящей знати, чудо, золотой человек, а способности какие — все достоинства! К тому же большой знаток талмуда — всегда сидит за священной книгой. Я содержу его с самой свадьбы, потому что, если бы вы его знали, сами сказали бы, что такого грех выпустить из дому — что с ним станется?

[...]

Второй мой зять не так знатен родом, но зато сам он на редкость хорош. Да и чего, скажите, еще желать? И пишет, и читает, и вычисляет, и поет, и пляшет, и чего только не умеет? А как он играет в шахматы — что и говорить, на все горазд! *(Родительские радости)*

¹⁶ См. А.Е. Локшин, *Высшее духовное образование в иудаизме в Российской империи: преемственность и модернизация*, «Вестник РУДН», серия: История России 2018, т. 17, № 2, с. 249.

На фоне отмеченного отношения к детям у евреев Касриловки полную противоположность представляет собой образ взаимодействий с детьми у пермяков в деревне Подлипной. Рождение ребенка — событие не ожидаемое, но неизменно привычное, повседневное, лишенное какой бы то ни было торжественности и приподнятости, к тому же и далеко нежелательное. Ребенок, в беспробудных условиях крайнего убожества и нищеты, воспринимается лишь как ненужное бремя и лишний рот, на содержание и пропитание которого приходится тратить вечно недостающую пищу. Поражает своим бесчувствием и полное безразличие, и преднамеренное лишение детей еды, и предоставление их самим себе, в том числе и с подверженностью неблагоприятным условиям, в расчете на то, что они умрут и можно будет, в итоге, от них избавиться:

Эти маленькие дети, не умеющие еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или сидели полунагие, одетые в несколько тряпок, сшитых наподобие мешков. На них не обращалось внимания ни Сысойком, ни матерью, которая, больная и сумасшедшая, постоянно лежала на печке и охала. Куда Сысойко ни посадит детей, там они и сидят, там и ползают. А если Сысойко садил их на полаты, что случалось очень редко, то ребята то и дело полужали колотушки... Он даже нарочно садил их на голый пол, для того, чтобы они скорее умерли, нарочно не давал есть, думая, что они помрут; но ребята кричали с каждым днем хуже...

Когда была жива Апроська, Матрене было все равно, что есть у нее дочь; не будь дочери, Матрене было бы тоже все равно; есть человек — ладно, а впрочем, пожалуй, и не надо бы: хлеб лишний идет. *(Подлиповцы)*

В последнем фрагменте подчеркивается полное равнодушие, наличие дочери совершенно несущественно и безразлично для матери. Подобное отношение еще острее себя проявляет в контексте отсутствия какого бы то ни было внимания к детям, надлежащего их возрасту присмотра и ухода за ними, не говоря о каком-либо, даже малейшем, образовании:

Досадно им: зачем дети рождаются от них, и с маленькими детьми обращаются как люди с котятками; одни только матери немножко присматривают за детьми. С пятилетнего возраста дети растут на произвол судьбы... Все дети их, Апроська девятнадцати лет, Иван шестнадцати, Павел четырнадцати и Тюнька трех лет, росли на произвол судьбы. *(Подлиповцы)*

Детский мир в Касриловке — полный песен, веселого крика, детских проказ и игр, живой, энергичный, теплый, не побоимся даже сказать, биофильный, с одной стороны. И в Подлипной, с другой, — безжизненный, мертвый, холодный, вялый,

подавленный, мрачный и некрофильный. Как два противоречащих одно другому существования:

Приезжаю домой, выпрягаю моих коняшек — ага! Мои огольцы, не сглазить бы, тут как тут: один на возу, другой под возом, один на одной лошадке, другой на второй лошадке, а младший — верхом на дышле... *(Не сглазить бы)*

А потом все как запоют! Я затягиваю «Розу Иакова» и еще раз «Розу Иакова»! И опять-таки «Розу Иакова»! А дети как подхватят: Ликуюем и веселимся! А маленькие сорванцы, внуки, подтягивают тоненькими голосками. Да еще и пускаемся в пляс. *(Родительские радости)*

На что дети — и те резвятся как-то словно нехотя: побежит, упадет, заплачет и побежит домой... *(Подлиповцы)*

Дети в деревне Подлипной как дети не воспринимаются, как к слабым к ним отношение неприязненно-пренебрежительное, они нередко становятся со стороны взрослых также объектом незаслуженного насилия, отнимающих у них хлеб — единственно доступную и возможную пищу:

Ах, черти! — ворчит Пила. — В меня вы, стервы, уродились, сильные будете... — Пила даже радовался, что ребята его умеют драться, и всегда отнимал у них хлеб с бою, причем, конечно, ребятам больно доставалось. *(Подлиповцы)*

Равнодушное отношение к детям в Подлипной определено отсутствием материальных выгод, которые можно было бы извлечь из их наличия. В этой связи героине повествования Матрене ближе, чем собственный ребенок, корова, которая кормит всех молоком и не требует никакого внимания и ухода:

Матрена больше всего в своей жизни любила корову. Корова для нее была больше нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу, сама находила пищу для себя. *(Подлиповцы)*

На основании проделанного сравнения касриловцев и подлиповцев с точки зрения их подхода к детям было бы, однако, не совсем справедливым и обоснованным утверждать, что последние предстают как полностью лишённые каких-либо человеческих проявлений и чувств, эмоционально глухие и жестокие в обращении со своим потомством субъекты. Отмеченное бесчеловечное отношение к детям, вызванное желанием лишить их жизни, имеет, как представляется, более глубокую психологическую подоплеку. Беспробудное пребы-

вание в условиях крайней нищеты и нужды, бессмысленно отупляющего труда, не дающего не то, что достойного, но минимального заработка, необходимость вечного противостояния невыносимым условиям жизни, постоянным болезням и смертям вызывает состояние внутреннего эмоционального омертвения, от бессилия, от невозможности выйти из этого положения и что-либо изменить, внешними проявлениями чего становятся полное безразличие, пренебрежение, а также ненависть и агрессия по отношению к окружающим. Психологическая характеристика подобного состояния дается самим рассказчиком. Обратимся к такому примеру:

Он работает день, на ночь уходит домой в надежде, что получит деньги утром; не утром, а в первом часу, прикащик, явившийся посмотреть, работают ли люди, гонит от себя рабочих: прикащик человек богатый, он чувствует, что он сила, что он все, что он имеет рабов... а этим рабам есть нечего, убиваются их жены, голодают дети?... Вот почему рабочий человек ко всему относится с ненавистью. [...] Как он теперь без коровы будет жить? Как семья его пробытса до лета? Не корова бы, что бы было с ними? Пиле все теперь опротивело, проклял он свою жизнь, долго бил свою лошадь, сам не зная за что, сел на дровни, стегнул лошадь, лошадь пошла по улице. *(Подлипovsky)*

На фоне этого само намерение лишить детей жизни, о котором ранее говорилось, в немалой степени можно было бы объяснить и желанием оборвать их мучения, страдания от голода, холода и нищеты, как радикальный, но и единственный выход, побуждаемый вдруг охватившим чувством жалости и неизбывной тоски:

Жалость к детям у Пилы была тогда, когда они уже ревели от боли. Пиле казалось неприятно это, жалко было ребят, потому что он бы мог замечать их, и в то время он кормил их больше, насильно заставлял есть травы. *(Подлипovsky)*

Необходимо при этом обратить внимание на то, что, в конце концов, герои повести решают покинуть Подлипную, отправляясь на поиски заработка у бурлаков. Побуждаемые подобным желанием, оставляют насиженные места и обитатели Касриловки, пропадая иногда без вестей. Как у касриловцев, так и у подлиповцев, получается, можно отметить, хотя и не в равной степени, вполне естественное стремление к улучшению своего положения, стремление изменить условия непереносимого бытия, связанного с постоянными муками и страданиями, даже если это сопровождается риском для жизни, не говоря уже о разлуке с близкими:

Портной Зетл через несколько месяцев после свадьбы пустился на поиски заработка. В Америку уехал. Все теперь едут в Америку. Уехал Зетл — нет его, как в воду канул. *(Человек родился)*

«Уйти из Подлипной? куда пойдешь? Вон ушел из Подлипной Митюк Ковычка, еще молодой, и жену с двумя детьми оставил, да так и пропал. Поди тамока, и тю-тю!.. Пошел Терешка Вятка куда-то лес сплавлять и утонул, сказывают. *(Подлиповцы)*

Для тех и других, опять же хотя и не в равной степени, характерна эмоциональная связь с родными местами, при том, что для подлиповцев это не столь ощутимо и явно, как для касриловцев:

Теперь они решились не ходить в свои деревни, а жить в городах на время зимы. Только жалко им было своих семейств, но что же делать: баб бурлачить не берут, а сыновья еще маленькие. *(Подлиповцы)*

У жителей Касриловки, а также Мазеповки (еще одно местечко в рассказах Шолом-Алейхема) намного сильнее развито чувство общности, в известном смысле также общинности, в силу чего живут они как одна большая семья, а пребывание в семейном кругу, особенно после продолжительной разлуки, становится для них источником вновь обретенного душевного умиротворения и спокойствия, сопровождаемых чувством физической и психической защищенности и безопасности:

Плюнь ты, говорю, на своего тестя — богача и плута — и поселись у меня, а там что бог даст, только бы вместе... *(Родительские радости)*

Она была среди своих, в родной Мазеповке, и, может быть, поэтому сон ее был сладок и безмятежен, как в далекие годы детства. *(Из-за редьки)*

[...] хозяйки стряпают и пекут, толкуются у одной печи, сплетничают, оговаривают друг дружку, ссорятся и мирятся, одалживают одна другой и занимают одна у другой, только было бы что, все вместе веселятся на торжествах друг у друга и живут почти одной семьей. *(Человек родился)*

В сравнении с упомянутой общностью и сплоченностью у евреев Касриловки и Мазеповки семейные контакты подлиповцев, при наличии у них близкой и кровной родни, фактически не существуют. С имеющимися у них в соседних селениях родственниками никаких отношений они не поддерживают, сводя общение с ними к одной только возможности, а скорее, невозможности, в силу отсутствия какой бы то ни было от этого выгоды. Отсюда взаимная нелюбовь, отсутствие и нежелание контактов:

Все они жители своей деревни, родня друг другу — отцы, братья, сестры, кумовья и кумушки: родни у них много и в других деревнях, но те не любят их, не знают с ними, потому что и сами-то они голые, и от подлиповцев нечего взять. Со своей стороны и подлиповцы не любят их и не ходят к ним. (*Подлиповцы*)

Вступление в семейные отношения, заключение брака в Подлипной лишено эмоционального обоснования или какого-либо другого обусловленного традицией либо религией стимула¹⁷, производясь механически, как результат постоянно совместного, ничем не нарушаемого нахождения в пределах места общего проживания:

Знают подлиповцы, что без жены неловко, надо бабу, — и живут с бабами. Про идеальную любовь они вовсе не знают, у них своя любовь: играли вместе, вместе росли, вместе и жить надо. Так и делается в Подлипной. (*Подлиповцы*)

В контексте обсуждаемой проблематики стоит также коснуться вопроса об отношении к покойным членам семьи у евреев Касриловки. Особый почет к умершим опосредованно передается у них через кладбище и эмоционально заряженное к нему отношение как месту своему (место, где покоятся предки) и освоенному (через могилы предков осваивается касриловской диаспорой неродное пространство Российской Империи)¹⁸. Отметим, что данное освоение территории следует понимать, скорее, символически и метафорически, так как Касриловка — деревенька, или, точнее, местечко, вымышленное. Кладбище, а в нем могилы предков, является локусом не только внешнего проявления чувств, но и местом душевного очищения, эмоционального выплеска и освобождения, своеобразного психического катарсиса:

Со всего света являются сюда, чтобы немного выплакаться, излить наболевшее сердце перед святыми могилами. [...] Нигде не плачется так самозабвенно и так сладко, как в Касриловке на «божьей ниве». То есть в сынагогах тамошних тоже плачется не так уж плохо. Но какое тут может быть сравнение с плачем на могилах предков? (*Город маленьких людей*)

Застал я тут нескольких женщин; припав к могилам, они плакали, кричали, причитали в голос. Одна будила мать — пусть встанет, пусть посмотрит

¹⁷ Хотя в повествовании о *Подлиповцах* не упоминаются какие-либо брачные традиции и обычаи, они, все же, у представителей пермяцкого этноса существуют в довольно обширном многообразии. См. об этом, напр. Т.Г. Голева, *Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы*, «Вестник археологии, антропологии и этнографии» 2017, № 3 (38), с. 111–119; Я. Предтеченский, *О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник*, Типография Грачева и Коми, Москва 1860.

¹⁸ Вопрос о кладбищах еврейских диаспор обсуждался, в частности, в работе: И. Шендерович, А. Литина, *Еврейские кладбища Могилевской области*, «Wschód Europy» 2017, vol. 3, № 1, с. 137–153.

на свою единственную дочь, пусть увидит, что с ней случилось! [...] Так плачут, жалуются на свои горести и беды и другие, женщины, в слезах изливают все, что на сердце накипело, отводят душу в разговоре с любимыми, дорогими, авось хоть немного полегчает, – и впрямь ведь становится легче, когда хорошенько выплачешься... (*Не стало покойников*)

В этой связи кладбище имеет и компенсаторную функцию, выступая местом особого «безответного диалога», в котором «общение и разговор» с покойными замещает общение с живыми:

Другая пришла к могиле отца жаловаться на мужа, которого ей дали. Третья пришла поздравить своего покойного мужа: она выдает замуж старшую дочь, а справить свадьбу не на что. (*Не стало покойников*)

Как в случае детей, соединяющих настоящее с будущим, и кладбище предстает звеном, но другого соединения — настоящего с прошлым, местом, где вы «найдете часть истории целого народа» (*Город маленьких людей*). К кладбищу и могилам, как к месту семейного пребывания и объекту памяти¹⁹, относятся с должным почтением, гордятся им, берегут и лелеют его. И подобная гордость испытывается отнюдь не только по внешнему поводу, с учетом природных и архитектурных достоинств надгробий, могил и всего окружения, но и по поводу внутреннему, душевному, в память о «вечной жизни», об умерших еврейских мудрецах, ибо «там покоятся предки их предков — мудрецы, праведники, ученые, гении, великие люди» (*Город маленьких людей*). Значимость кладбища, как особо ценного, близкого, дорогого места, поскольку там покоятся предки и умершие родственники, несомненно, может и опосредованно выражается с помощью эмоционально и позитивно окрашенных лексем и словосочетаний (в переводе с идиша на русский язык): *сокровище, жемчужина, украшение города, божья нива, святое место*:

Главным образом гордятся касриловские маленькие люди старым кладбищем. Старое кладбище, хотя оно уже заросло травой, деревьями и нет на нем почти ни одного целого памятника, они считают тем не менее своим сокровищем, украшением города, жемчужиной и оберегают его как зеницу ока. (*Город маленьких людей*)

Чувство тоски по усопшим членам семьи, впрочем, не чуждо также подлиповцам:

¹⁹ См. по этой теме: А. Соколова, *Семейные реликвии и еврейская память*, «Антропологический форум» 2013, № 19, с. 3–44, <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/19online> [04.01.2020].

Они часто вспоминают про отца и Сысойку. Сидят они у печки парходной, покуривая трубки, и горюют:

— Жаль, Пашка, что отца нет. Все бы вместе лучше. (*Подлиповцы*)

В цитирувавшихся рассказах Шолом-Алейхема образ семьи и семейных отношений предстает наполненным теплотой, взаимным уважением и любовью, отмечен он также единством и общностью, поддерживаемыми традицией, проникнут духом священных текстов и иудаистического вероучения. В этом контексте совершенно иным, не вписывающимся в эту картину, оказывается портрет отношений, показанных в рассказе *Из-за редьки*. Насильственное вытеснение, подавление всего еврейского, жестокое, насмешливо-пренебрежительное и запугивающее обращение с супругой составляют основу внутрисемейного «счастья», навязываемого Жаком Пфеферкранцем своей жене Наталье, происходящей из небогатой семьи мазеповского кантора и называвшейся до своего с ним замужества Ентеле. Изображаемая картина внутрисемейных отношений — полная противоположность тому, что характерно для еврейских общин Касриловки и Мазеповки, с их открытостью, чуткостью, обращенностью к внутренним, духовным, а также душевным, ценностям, замененным у Пфеферкранца опредмеченным отношением к супруге, чья ценность измеряется им не теплотой, не чувствами, не богобоязненностью, не привязанностью к традиции, не знанием священных текстов, не умственными и другими достоинствами, а внешним видом, одеждами, украшениями, послушанием и тем, что он, став ее хозяином, дорого за нее заплатил:

Господин Жак, человек не первой молодости, был своеволен вспыльчив, упрям, как бык, и к своей супруге относился не слишком почтительно. Наталья все терпеливо сносила. Ведь господин Жак был ее хозяином. Он уплатил за нее сполна, дал хорошую цену. Она была для него красивой, дорогой и приятной вещью. (*Из-за редьки*)

Оказывается, однако, что сила привитых Ентл в детстве привязанностей и чувств не слабеет и не исчезает под внешностью драгоценных браслетов, многочисленных платяев и мирских развлечений, составлявших ее обязанности как супруги «великосветского» нувориша, отказавшегося от своих еврейских корней:

А когда ей надоедали новые платья, дорогие украшения, ложа в театре, франценбадские отели, она уединялась в своей комнате, плотно закрывала дверь и вынимала из укромного местечка старый молитвенник. Шепотом произносила она знакомые с детства слова: благословляла вновь на-

родившийся на небе месяц, читала псалмы. Но стоило ей услышать шаги, как она, испуганная, с бьющимся от страха сердцем, прятала в тайник заветную книгу, и снова из Ентл превращалась в Наталью. (*Из-за редьки*)

Счастливое детство, теплые воспоминания о прошлом, о родительском доме, образы матери и отца, их любовь к Ентле-Натальи — вот тот источник внутренней силы, благодаря которому она способна одолевать щемящее чувство тоски по родному дому и горечь от жизни с супругом-тираном.

Образы семейных отношений, представленные в выбранных нами художественных текстах, можно рассматривать как противоположности. Отчасти различие это себя обуславливает разными литературными формами. С одной стороны, выдержанный в конвенции натуральной школы этнографический очерк, каковой представляют *Подлиповцы*, с максимальной приближенностью к реальности и имевшим место событиям, без изысканных проявлений литературного вымысла. И, с другой стороны, художественные рассказы-повествования *Касриловка*, в которых изображаемая реальность — это поэтическая конструкция²⁰, а сама деревенька, местечко Касриловка — несколько идеализованная, ностальгическая и романтическая интерпретация типичного штетла²¹, с его традиционными и семейными ценностями. Противоположение образов внутриродственных отношений в Касриловке и в Подлипной, с позиции двух столь различных повествований, — несомненный результат сочувственной привязанности автора (Шолом-Алейхема) к еврейской традиции, в центре которой семья, память о которой себя отражает в предметах (могилы предков, старый молитвенник, традиционные блюда), и отсутствия чего-то такого, как эмоционально и культурно заряженных оснований, у жителей деревни Подлипной в изображении Решетникова.

References

Andreyanova, Mariya. "Kontsept 'sem'ya' v russkoy i frantsuzskoy literature." *Vestnik nauchnogo gumanitarnogo obrazovaniya* 2012, no. 1 (15): 17–20 [Андреянова, Мария. "Концепт 'семья' в русской и французской литературе". *Вестник научного гуманитарного образования* 2012, no 1 (15): 17–20].

²⁰ См. Д. Мирон, *Литературный образ штетла*, «Вестник культурологии» 2011, № 4 (59), с. 97. Тот же текст доступен также в журнале «Новое литературное обозрение» 2010, № 2 (102), с. 116–144.

²¹ См. об этом у: М. Крутиков, *Штетл между фантазией и реальностью*, «Новое литературное обозрение» 2010, № 2 (102), с. 102–115.

- Chervinskiy, Pëtr, i Val'chak, Machev. "Pishcha, yeda i produkty pitaniya u Sholoma Aleykhemu i Fyodora Reshetnikova (Kasrilovka vs Podlipovtsy)." *Iudaica Russica* 2019, no. 2 (3): 111–132 [Червинский, Петр, и Вальчак, Мачей. „Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs Подлиповцы).“ *Iudaica Russica* 2019, no. 2(3): 111–132].
- Friedman, Michał. "Tradycja rodzinna w judaizmie." *Collectanea Theologica* 1996, nr 66 (2): 39–48.
- Goleva, Tat'yana. "Terminologiya i sodержaniye ritualov komi-permyatskoy svad'by." *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 2017, no. 3(38): 111–119 [Голева, Татьяна. "Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы". *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2017, no 3(38): 111–119].
- Grachëva, Alla. "Semeynnye khroniki nachala XX veka." *Russkaya literatura* 1982, no. 1: 64–75 [Грачева, Алла. "Семейные хроники начала XX века." *Русская литература* 1982, no 1: 64–75].
- Khakimova, Galina. *Sem'ya v russkoy literature (pervaya polovina XX veka)*. Moskva: Rossiyskaya gosudarstvennaya yunosheskaya biblioteka, 1998 [Хакимова, Галина. *Семья в русской литературе (первая половина XX века)*. Москва: „Российская государственная юношеская библиотека“, 1998].
- Komorowska-Pudło, Marta. "Małżeństwo — jego jakość i trwałość u wyznawców religii monoteistycznych. Założenia doktrynalne a rzeczywistość empiryczna." *Kwartalnik Wydziału Teologicznego UMK* 2017, nr 38 (2): 151–173.
- Komorowska-Pudło, Marta. „Rodzina i prokreacja w religiach monoteistycznych. Założenia doktrynalne a rzeczywistość empiryczna.” *Studia Oecumenica* 2016, nr 16: 421–439.
- Krutikov, Mikhail. „Shtetl mezhdru fantaziyey i real'nost'yu.” *Novoye literaturnoye obozreniye* 2010 no. 2 (102): 102–115 [Крутиков, Михаил. "Штетл между фантазией и реальностью." *Новое литературное обозрение* 2010, no 2 (102): 102–115].
- Lokshin, Aleksandr. "Vyssheye dukhovnoye obrazovaniye v iudaizme v Rossiyskoy imperii: preymstvennost' i i modernizatsii." *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* 2018, t. 17, no. 2: 248–295 [Локшин, Александр. "Высшее духовное образование в иудаизме в Российской империи: преемственность и модернизации." *Вестник РУДН. Серия: История России* 2018, т. 17, no 2: 248–295].
- Markova, Irina. "Semeynnye tsennosti v russkoy literature." *Mentalitet slavyan i integratsionnyye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy*. Materialy VI mezhdunar. nauch. konf., 21–22 maya 2009. Gomel': GGTU im. P. O. Sukhogo, 2009. 292–294 [Маркова, Ирина. "Семейные ценности в русской литературе." *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы*. Материалы VI междунар. науч. конф., 21–22 мая 2009 г. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 292–294].
- Minibayeva, Adelya; Bozhkova, Galina; Bykov, Anton. "Vidy semey v detskoy i podrostkovoy proze XIX–XXI vekov." *Filologicheskiye nauki*.

- Voprosy teorii i praktiki* 2019, t. 12, vyp. 10: 34–38 [Минибаева, Аделя; Божкова, Галина; Быков, Антон. “Виды семей в детской и подростковой прозе XIX–XXI веков.” *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2019, т. 12, вып. 10: 34–38].
- Miron, Dan. “Literaturnyy obraz shtetla.” *Novoye literaturnoye obozreniye* 2010 no. 2 (102): 116–144 [Мирон, Дан. “Литературный образ штетла.” *Новое литературное обозрение* 2010, no 2 (102): 116–144].
- Nikol'skiy, Yevgeniy. “Predan'ya russkogo semeystva: zhanr semeynoy khroniki v russkoy literature XIX–XX stoletiy.” *Pushkinskiye chteniya* 2012: 49–54 [Никольский, Евгений. „Преданья русского семейства: жанр семейной хроники в русской литературе XIX–XX столетий”. *Пушкинские чтения* 2012: 49–54].
- Nikol'skiy, Yevgeniy. “Semeynaya khronika v sisteme zhanrov romanoy prozy.” *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* 2012, no. 2 (102), seriya 2, Gumanitarnyye nauki: 37–46 [Никольский, Евгений. “Семейная хроника в системе жанров романной прозы.” *Известия Уральского федерального университета* 2012, no 2 (102), серия 2, Гуманитарные науки: 37–46].
- Nikol'skiy, Yevgeniy. “Zhanr romana semeynoy khroniki v russkoy literature rubezha tysyacheletiy.” *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* 2011, no. 4, seriya 2: *Filologiya i iskusstvovedeniye*: 29–34 [Никольский, Евгений. “Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий.” *Вестник Адыгейского государственного университета* 2011, no 4, серия 2: *Филология и искусствоведение*: 29–34].
- Predtechenskiy, Yakov. “O svadebnykh obryadakh g. Cherdyni.” *Permskiy sbornik*. Moskva: Tipografiya Gracheva i Komi, 1860. 3–107 [Предтеченский, Яков. „О свадебных обрядах г. Чердыни.” *Пермский сборник*. Москва: Типография Грачева и Коми, 1860. 3–107].
- Rygiel, Katarzyna. “Wychowanie w spolecznosci zydowskiej w swietle nakazow religijnych.” *Ogrody Nauk i Sztuk* 2011, nr 1: 255–259.
- Shenderovich, Ida; Litin, Aleksandr. “Yevreyskiye kladbishcha mogilevskoy oblasti.” *Wschod Europy* 2017, vol. 3, nr 1/2017: 137–153 [Шендерович, Ида; Литин, Александр. “Еврейские кладбища Могилевской области.” *Wschod Europy* 2017, vol. 3, no 1/2017: 137–153].
- Skhalyakhova, Saida. *Kontsepty 'venchaniye', 'brak', 'sem'ya' kak otrazheniye russkogo mentaliteta (na materiale yazyka proizvedeniy russkoy literatury)*. Dissertatsiya na soiskaniye uchënoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Krasnodar: “Kubanskiy gosudarstvennyy universitet”, 2008 [Схалыхова, Саида. *Концепты 'венчание', 'брак', 'семья' как отражение русского менталитета (на материале языка произведений русской литературы)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008].
- Sokolova, Alla. “Semeynyye relikvii i yevreyskaya pamyat'.” *Antropologicheskii forum* 2013, no. 19: 3–44 <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/19online>> [Соколова, Алла. “Семейные реликвии и еврейская память.” *Антропологический форум* 2013, no 19: 3–44, <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/19online>>].

Spiglazova, Yelena. "Obraz sem'i v russkoy i sovetskoy literature." *Proza.ru* <<https://www.proza.ru/2009/09/01/25>> [Спиглазова, Елена. „Образ семьи в русской и советской литературе.” *Проза.ру* < <https://www.proza.ru/2009/09/01/25>>].

Sroka, Łukasz, Tomasz. "Judaizm wobec rodziny. Spojrzenie historyczno-religioznawcze." *Człowiek w teatrze świata: studia o historii i kulturze dedykowane Profesorowi Stanisławowi Grzybowskiemu z okazji osiemdziesiątych urodzin*. Popiołek, Bożena (ed.). Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2010. 69–77.